

Чепурная Алена Ивановна

Ставропольский государственный аграрный университет,
Россия, 355017, Ставрополь, пер. Зоотехнический, 12
alena-chep@mail.ru

Когнитивно-прагматические аспекты атрибуции эпистемической ответственности

Для цитирования: Чепурная А. И. Когнитивно-прагматические аспекты атрибуции эпистемической ответственности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024, 21 (1): 252–268. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.113>

Статья посвящена исследованию эпистемической ответственности с позиции адресата сообщения. Эпистемическая ответственность рассматривается как один из видов разрабатываемого в зарубежной лингвистике обязательства (commitment) говорящего и определяется как ответственность за достоверность сообщаемого, основанная на категориях уверенности/неуверенности и «своего»/«чужого» и выражаемая на языковом уровне через показатели эпистемической модальности и эвиденциальности. Актуальность исследования обусловлена высокой частотностью термина «обязательство» (commitment) в научной литературе, посвященной, в частности, теории речевых актов, модальности и эвиденциальности, при недостаточной теоретической разработанности лингвистического обязательства как отдельной проблемы. Новизна исследования заключается в выявлении и описании когнитивно-прагматических особенностей атрибуции эпистемической ответственности на основе эксперимента. В задачи исследования входила оценка восприятия носителями русского языка эвиденциально-эпистемических показателей как маркеров эпистемической ответственности, выявление аспектов коммуникативного взаимодействия, определяющих атрибуцию эпистемической ответственности, а также экспериментальная проверка валидности модели эпистемической ответственности, предложенной в результате ранее предпринятых нами исследований. Анализ атрибуции эпистемической ответственности проводился с помощью анкеты, разработанной специально для целей исследования. Респондентами исследования выступили студенты нелингвистических направлений подготовки (35 участников). Проведенное исследование показало, что носители русского языка воспринимают эвиденциально-эпистемические маркеры как показатели эпистемической ответственности, при этом процесс атрибуции эпистемической ответственности основывается не только на анализе лексико-семантического наполнения высказывания, но находится под влиянием коммуникативных конвенций и этики коммуникации. Результаты исследования позволили сделать вывод о валидности ранее разработанной нами модели эпистемической ответственности. Предпринятое исследование также внесло вклад в уточнение самого понятия эпистемической ответственности, которое может рассматриваться, с одной стороны, как ментальное состояние субъекта, а с другой стороны, как языковой образ этого состояния, определяемый правилами коммуникативного взаимодействия и интенциями говорящего.

Ключевые слова: атрибуция обязательства, атрибуция эпистемической ответственности, обязательство говорящего, эвиденциальность, эпистемическая модальность.

Введение

В зарубежной англоязычной лингвистической литературе распространено понятие «commitment» (обязательство), традиционным «ареалом» которого выступают теория речевых актов, исследования в области модальности и эвиденциальности, а также аргументации и моделирования диалога [De Brabanter, Dendale 2008: 1]. Однако, несмотря на частотность употребления, понятие обязательства не имеет четких границ [Ricci, Rossari 2018: 98] и характеризуется недостаточной теоретической разработанностью на настоящем этапе развития лингвистической науки. Обзор существующих концепций обязательства и различий между ними может быть проведен с опорой на следующие параметры: психологическая vs непсихологическая/конвенциональная природа понятия, шкалярный vs абсолютный характер понятия, предмет обязательства.

В исследованиях, посвященных модальности, обязательство понимается как ментальное состояние говорящего, его отношение к пропозициональному содержанию высказывания (см., напр.: [Lyons 1977: 794; Palmer 2001: 34, 198]), тогда как в теории аргументации и теории речевых актов распространена непсихологическая интерпретация понятия [De Brabanter, Dendale 2008: 9]. Так, в теории речевых актов обязательство рассматривается как действие или его результат: совершение иллокутивного акта накладывает на говорящего обязательство вести себя определенным образом или совершить следующий акт (см.: [Austin 1962: 136, 153]). Однако в теории речевых актов можно встретить и психологический подход к исследуемому понятию, например Дж. Серль пишет об обязательстве говорящего относительно достоверности пропозиции [Searle 1976: 10]. В теории аргументации и исследованиях в области моделирования диалога закрепилось понимание обязательства как пропозиции, восходящее к идеям Ч. Л. Хэмблина [De Brabanter, Dendale 2008: 7]. Суть этой концепции заключается в том, что говорящий имеет определенный набор обязательств — произнесенных ранее высказываний, — которые накладывают ограничения на последующие высказывания в том смысле, что каждое новое высказывание не должно противоречить предыдущим [Hamblin 1970: 257], т. е. обязательство — это функция локутивного события [Hamblin 1971: 136]. Конвенциональный подход к пониманию обязательства поддерживают также Т. Катриэль и М. Даскаль, которые рассматривают его не как ментальное, а как социальное состояние, обусловленное набором правил [Katriel, Dascal 1989: 291]. Интересными и значимыми в рамках настоящего исследования представляются определение обязательства как синонима уверенности [Lansari 2008: 180] и концепция К. Дешампс, согласно которой обязательство является комплексным понятием, включающим психологические состояния (желание, вера) и ответственность [Deschamps 2008: 97]. Ответственность при этом, со ссылкой на Скандинавскую теорию полифонии [Nølke et al. 2004: 44], определяется через источник информации: говорящий несет ответственность за пропозицию, если является ее источником [Deschamps 2008: 86].

В теории модальности и отчасти теории речевых актов обязательство понимается как шкалярная категория, имеющая степени, например «strong/weak commitment» [De Brabanter, Dendale 2008: 6], «low/intermediate/high degree of commitment» [Cornillie, Delbecque 2008: 38]. С критикой этой точки зрения выступили Катриэль и Даскаль, предложившие разграничивать обязательство как абсо-

лютную категорию («да/нет») и вовлеченность (involvement) говорящего как категорию, для которой возможна шкала значений [Katriel, Dascal 1989: 285].

Учитывая многогранность исследуемого понятия и множественность подходов к его анализу, предметом обязательства могут выступать разные аспекты речи-мысли и поведения говорящего, в частности ментальные состояния, иллокутивная сила высказывания [Katriel, Dascal 1989: 275], достоверность пропозиции [Lyons 1977: 794; Palmer 2001: 98], содержание, которое участник коммуникации считает достоверным, включая имплицитные компоненты [Gunlogson 2008: 109–110], действия, следующие за совершением речевого акта [Austin 1962: 153; Lyons 1995: 254], основания для произнесения высказывания [Kissine 2008: 155], точность и правильность передачи слов другого лица в случае использования прямой речи, а также сам факт произнесения высказывания цитируемым лицом [De Brabanter 2018: 141] и др. Множество представленных в научной литературе точек зрения на предмет лингвистического обязательства дает основание говорить об обязательстве не как об унитарном феномене, а как о совокупности значений, которые возможно классифицировать. Так, в грубом приближении можно выделить, например, эпистемическое обязательство (с фокусом на достоверность пропозиции), иллокутивное обязательство (предметом которого выступает иллокутивная сила высказывания), цитативное обязательство (в контекстах с прямой речью) и т. д.

Понятие «commitment» выступает ближайшим аналогом разрабатываемого во франкоязычной научной литературе феномена «prise en charge» [De Brabanter, Dendale 2008: 1] и в некоторых исследованиях используется как его перевод на английский язык (см., напр.: [Lansari 2008: 181]). Как и «commitment», «prise en charge» характеризуется размытостью границ [Coltier et al. 2009: 4–6], а в Скандинавской теории полифонии уподобляется понятию «responsabilité» («ответственность») [Nølke et al. 2004: 44].

В последние десятилетия наблюдается рост интереса ученых к лингвистическому обязательству как к самостоятельному объекту исследования. Среди узкоспециализированных исследований, посвященных этому феномену, следует отметить статьи, включенные в специальные выпуски журналов «Belgian Journal of Linguistics»¹ и «Langue Française»², а также специальный раздел одного из выпусков журнала «Journal of Pragmatics»³. Исследования механизмов атрибуции обязательства говорящему со стороны читателя/слушателя на сегодняшний день единичны (см.: [Cornillie 2018; Morency et al. 2008]), при этом они основываются главным образом на интроспективном анализе авторов [Morency et al. 2008] или лишь вскользь касаются этой проблемы [Cornillie 2018].

Разграничивая понятия обязательства и атрибуции обязательства, П. Моренси и соавторы отмечают, что обязательство как ментальное состояние говорящего не может быть доступно прямому наблюдению, а следовательно, атрибуция обязательства в процессе коммуникации базируется на анализе доступных фактов

¹ Commitment [Special issue]. De Brabanter P., Dendale P. (eds). *Belgian Journal of Linguistics*. 2008, (22).

² La notion de «prise en charge» en linguistique [Special issue]. Coltier D., Dendale P., De Brabanter P. (eds). *Langue Française*. 2009, 162 (2).

³ Commitment phenomena through the study of evidential markers in Romance languages [Special section]. Ricci C., Rossari C. (eds). *Journal of Pragmatics*. 2018, (128).

языка, т. е. сообщений, которые передает говорящий. Таким образом, атрибуция обязательства представляет собой предположение читателя/слушателя о том, какое обязательство берет на себя говорящий, произнося высказывание, и это предположение может быть сделано с разной степенью уверенности в зависимости от того, какие компоненты содержания высказывания послужили материалом для анализа — эксплицитные или имплицитные. Механизм атрибуции обязательства при этом, как полагают авторы, не отличается от механизмов считывания реципиентом прочих значений, передаваемых говорящим [Morency et al. 2008: 202–203].

Анализируя испанские эвиденциалы как маркеры обязательства и вовлеченности говорящего на материале фрагментов реальной диалогической коммуникации, Б. Корнилли в работе [Cornillie 2018] также коснулся вопроса атрибуции обязательства говорящему со стороны собеседника. Однако языковые примеры, привлеченные к анализу, не всегда содержали показатели атрибуции обязательства говорящему, в связи с чем убедительных данных о проблеме атрибуции обязательства в результате этого исследования получено не было.

В отечественной науке исследования феномена обязательства говорящего не столь многочисленны. К ним относится анализ дискурсивной реализации эпистемической ответственности, представленный в ряде наших работ (см., напр.: [Чепурная 2015; Ćerurnaja 2014; Ćerurnaya 2019]). В настоящем исследовании мы также отдаем предпочтение термину «ответственность», во-первых, учитывая размытость границ понятия «обязательство» и факт использования в научной литературе других терминов в близком значении (см.: [Coltier et al. 2009: 5]), в том числе «ответственность» (*responsabilité*) [Nölke et al. 2004: 44], а во-вторых, следуя философской терминологической традиции: в эпистемологии стремление субъекта формировать истинные суждения обозначается термином «эпистемическая ответственность» (*epistemic responsibility*) [Bonjour 1980: 55; Kornblith 1983: 34].

Кроме того, возможность употребления термина «ответственность» в качестве русскоязычного аналога понятия «commitment» подкрепляется данными научной литературы на русском языке. Так, например, исследуя проблемы цитирования, А. Н. Баранов [Баранов 1994: 115], Ф. Джуси-Фичи [Джуси-Фичи 1994: 11] и В. А. Плунгян [Плунгян 2011: 352] упоминают об ответственности говорящего. Идея коммуникативной ответственности Баранова основывается на оппозиции «своего», за которое говорящий берет на себя ответственность, и «чужого», за которое говорящий хочет снять с себя ответственность [Баранов 1994: 115–116]. Применительно к контекстам цитирования Баранов описывает следующие аспекты предмета ответственности: содержание цитируемого, способ выражения содержания, уместность антецедента цитаты и позиция автора цитаты [Баранов 1994: 116–118]. Очевидно, что описанное понятие ответственности близко по своему содержанию к англоязычному «commitment».

Согласно концепции, разработанной в нашем исследовании [Чепурная 2015], эпистемическая ответственность, т. е. ответственность за достоверность пропозиции, коррелирует, с одной стороны, с ментальным состоянием уверенности/неуверенности говорящего в достоверности пропозиционального содержания высказывания, а с другой стороны, со степенью его авторства, что соответствует понятию «источник» в терминологии Дешампс [Deschamps 2008: 86] и Скандинавской теории полифонии [Nölke et al. 2004: 44]. Фиксация эпистемической ответственности

сти средствами языка представляется возможной через маркеры эпистемической модальности и эвиденциальности. Анализ эпистемической ответственности через призму эпистемической модальности и эвиденциальности обусловлен их общей особенностью, заключающейся в оценке надежности информации, т. е. выражении обязательства говорящего относительно достоверности пропозиции [Carretero, Zamorano-Mansilla 2014: 319–320].

Предложенная в работе [Чепурная 2015] теоретическая модель эпистемической ответственности предполагает ее шкалярный характер и включает три степени: высокую эпистемическую ответственность (уверенность + говорящий как источник), низкую эпистемическую ответственность (неуверенность + говорящий как источник), уход от эпистемической ответственности (т. е. нулевую степень) (говорящий как неисточник). Высокая эпистемическая ответственность сопряжена с немаркированным утверждением, а также с эпистемическими значениями и маркерами категорической достоверности, уверенности, фактивности. Низкая эпистемическая ответственность соответствует состоянию неуверенности говорящего в достоверности сообщаемого и маркируется показателями проблематической достоверности, возможности, вероятности. Высокая и низкая степени эпистемической ответственности констатируются для высказываний, источником пропозиции в которых выступает сам говорящий, в случае же ввода в высказывание маркеров косвенной репортативной эвиденциальности говорящий оформляет уход от эпистемической ответственности, поскольку не является в полной мере автором (источником) пропозиции [Чепурная 2015: 78; Cherpurnaya 2019: 513].

Таким образом, эпистемическая ответственность может быть определена как частный случай лингвистического обязательства, имеющий психологическую природу, шкалярный характер и достоверность пропозиции в качестве предмета обязательства. Рассматривая эпистемическую ответственность через состояние уверенности/неуверенности в достоверности пропозиции и отнесение сообщаемого к области «своего» или «чужого», мы тем не менее признаем справедливость описанных в научной литературе наблюдений относительно конвенциональности лингвистического обязательства, что применимо и к эпистемической ответственности как одному из его видов. В контексте лингвистических исследований значимой видится не столько эпистемическая ответственность как ментальное состояние говорящего, сколько ее языковая реализация, которая определяется коммуникативными конвенциями и этикой коммуникации, а также интенциями говорящего. В ходе коммуникативного взаимодействия эпистемически ответственный говорящий, как представляется, осознает необходимость передать собеседнику информацию не только о событии, но и о степени его познанны, которая может быть выражена в категориях уверенности/неуверенности и «своего»/«чужого», используя при этом такие средства языка, которые позволят реципиенту правильно считать сигналы о степени эпистемической ответственности, которую берет на себя говорящий. Реципиент, в свою очередь, подвергая поступившую информацию когнитивной обработке, интерпретирует и те смыслы, которые характеризуют степень авторской эпистемической ответственности. Таким образом, эпистемическая ответственность как ментальное состояние говорящего и атрибуция эпистемической ответственности как ментальное состояние реципиента в процессе коммуникации опосредованы языком и доступны для анализа лишь косвенно, в своей языковой реализации.

Невозможность прямой трансляции эпистемической ответственности и ее опосредованность в коммуникативном пространстве знаками языка создают предпосылки для потенциальных несоответствий между эпистемической ответственностью как ментальным состоянием говорящего и ее языковым образом, а также атрибуцией со стороны адресата. Допустимо предположить, что сбои могут иметь место как на этапе кодирования эпистемической ответственности говорящим, так и на этапе декодирования ее языкового образа реципиентом, а искажения языкового образа эпистемической ответственности могут носить как случайный, так и преднамеренный характер. Так, одним из наиболее очевидных факторов неумышленной деформации языкового образа эпистемической ответственности представляется подбор неадекватных языковых средств говорящим, что может повлечь за собой неверную атрибуцию эпистемической ответственности реципиентом. Кроме того, говорящий может сознательно транслировать недостоверный языковой образ своего ментального состояния, например представить «свою» информацию как «чужую» за счет введения в высказывание маркеров репортативной эвиденциальности с целью ухода от эпистемической ответственности и управления процессом атрибуции ему эпистемической ответственности со стороны реципиента. Очевидно, что перевод эпистемической ответственности из внутреннего мира человека в мир внешний посредством языка становится необходимым только при условии наличия адресата, при вступлении субъекта в социальное взаимодействие. Эта направленность на адресата обуславливает значимость изучения эпистемической ответственности не только в одном измерении, т. е. с позиции говорящего, но и с позиции реципиента для разработки комплексной теории лингвистического обязательства.

Настоящее исследование ставит своей целью выявление и описание когнитивно-прагматических особенностей атрибуции эпистемической ответственности и представляет собой первую (насколько нам известно) описанную в научной литературе попытку изучения атрибуции эпистемического типа лингвистического обязательства говорящему со стороны читателя/слушателя на основе эксперимента.

В соответствии с поставленной целью были сформулированы исследовательские вопросы, ответы на которые планировалось получить в результате предпринимаемого эксперимента:

RQ⁴1: Воспринимает ли носитель русского языка эвиденциально-эпистемические показатели как маркеры эпистемической ответственности?

RQ2: Основываются ли механизмы атрибуции эпистемической ответственности исключительно на анализе использованных говорящим лексических единиц, в частности эвиденциально-эпистемических маркеров?

RQ3: Является ли валидной модель эпистемической ответственности, предложенная в нашей работе [Чепурная 2015]?

Материал и методология

Исследование проводилось с применением методов лингвистического эксперимента и языковой интроспекции. Специально для целей исследования была

⁴ RQ — research question (исследовательский вопрос).

разработана анкета (см. приложение), включающая девять высказываний, разделенных на два блока. В первом блоке анкеты содержались высказывания, объединенные заданием оценить степень ответственности говорящего за достоверность сообщаемой информации (пункты 1–7 анкеты), для высказываний второго блока анкеты респондентам предлагалось определить субъекта, ответственного за достоверность сообщаемой информации (пункты 8–9).

В соответствии с моделью и шкалой эпистемической ответственности, предложенными в исследовании [Чепурная 2015], в анкету были включены: немаркированное фактографическое утверждение (пункт 1 анкеты), высказывания с маркерами уверенности и категорической достоверности (пункты 2–3), высказывания с показателями проблематической достоверности (4–6), высказывание, в котором информация, подлежащая оценке респондентами с позиции эпистемической ответственности, включена в пресуппозитивную часть (7), высказывания с показателями репортативной эвиденциальности (8–9). Все высказывания были составлены таким образом, чтобы компонент содержания, степень ответственности за достоверность которого требовалось определить, носил фактографический характер и не был оценочным, поскольку оценочные высказывания, не являясь носителем свойства истинности/ложности [Бринев 2009: 16], не могут быть проверены на предмет достоверности и, следовательно, не относятся к объектам эпистемической ответственности. Анкета также была снабжена строкой комментария, в которой участникам эксперимента было предложено по желанию аргументировать свои ответы или описать сложности, возникшие в ходе выполнения заданий анкеты.

Перед проведением эксперимента анкета была апробирована и обсуждена с носителем русского языка для обеспечения ее пригодности и оптимизации для целей исследования.

В эксперименте приняли участие 35 студентов (16 юношей и 19 девушек) лингвистических направлений подготовки (средний возраст — 18 лет), для которых русский язык являлся родным. Ни один из участников не обладал профессиональными лингвистическими знаниями. Респонденты были проинформированы о целях исследования и дали свое согласие на участие в эксперименте.

Результаты исследования

По итогам эксперимента по пунктам 1–8 анкеты было получено 35 ответов, по пункту 9 — 34 ответа. Один из респондентов затруднился определить субъекта ответственности в высказывании 9, объяснив это тем, что говорящий может быть неискренним, приписывая роль источника информации другому лицу. Количественный анализ ответов участников эксперимента представлен в таблице.

Жирным шрифтом в таблице выделены варианты ответов, которые являются референсными согласно концепции эпистемической ответственности, разработанной в исследовании [Чепурная 2015]. Как видно из данных таблицы, большинство ответов, полученных от респондентов в ходе эксперимента, соответствуют референсным значениям.

Высказывания 1, 2 и 3 предполагают высокую степень эпистемической ответственности говорящего: высказывание 1 — как категоричное утверждение, а высказывания 2 и 3 — как содержащие маркеры уверенности и фактивности. Вопрос

Таблица. Количественный анализ ответов респондентов на вопросы анкеты
«Когнитивно-прагматические аспекты атрибуции эпистемической ответственности»

Пункт анкеты	1			2			3			4			5			6			7			8			9		
	а	б	в	а	б	в	а	б	в	а	б	в	а	б	в	а	б	в	а	б	в	а	б	а	б	а	б
Количество полученных ответов	22	8	5	29	6	0	34	1	0	4	20	11	3	17	15	9	18	8	20	12	3	7	28	5	29		

об эпистемической силе подобных высказываний решается по-разному разными учеными. Так, в соответствии с точкой зрения некоторых исследователей эпистемической модальности (напр.: [Ильчук 1990: 6; Lyons 1977: 809]), наиболее сильным из них является немаркированное утверждение, т. е. ввод в высказывание показателей как проблематической, так и категорической достоверности снижает его эпистемическую силу. Авторы книги «Современный русский язык» рассматривают маркеры категорической достоверности как элементы, не вносящие изменений в персуазивную характеристику высказывания, а выполняющие лишь экспрессивную функцию [Современный русский язык: 684]. Однако на шкале эпистемической ответственности высказывания с маркерами категорической достоверности располагаются правее немаркированного утверждения, т. е. они сопряжены с более высокой степенью ответственности, поскольку введение в высказывание подобных маркеров свидетельствует о подчеркивании говорящим своей уверенности в достоверности пропозиции и о его готовности отстаивать передаваемую информацию как достоверную [Чепурная 2015: 48–49]. Это предположение подтверждается результатами проведенного эксперимента: в заданиях 2 и 3 анкеты большее количество респондентов приписали говорящему высокую степень ответственности, чем в задании 1. Следует отметить при этом, что показатели фактивности («я точно знаю» в высказывании 3) легче считаются респондентами как маркеры высокой эпистемической ответственности, чем показатели уверенности («я уверен» в высказывании 2). Об этом свидетельствует тот факт, что в задании 3 анкеты респонденты почти единогласно (34 из 35) выбрали ответ «а», который означает атрибуцию высокой степени ответственности.

Высказывания 4, 5 и 6 содержат маркеры низкой степени эпистемической ответственности говорящего («я думаю», «скорее всего», «по-моему»). В сравнении с первыми тремя высказываниями, предполагающими высокую степень эпистемической ответственности, полученные для этой группы высказываний результаты не столь однозначны, тем не менее референсные варианты ответов и здесь являются наиболее популярными. Неоднозначность результатов может объясняться объективными причинами: во-первых, отсутствием у участников эксперимента теоретических знаний о трехкомпонентной модели эпистемической ответственности и связанной с этим сложностью проведения границы между низкой и нулевой ответственностью при наличии в высказывании маркера снижения эпистемической ответственности. Показательным в этом отношении является комментарий, полу-

ченный от респондента на этапе апробации анкеты. Сомневаясь между вариантами ответа «низкая эпистемическая ответственность» и «нулевая эпистемическая ответственность» в задании 4 анкеты с маркером «я думаю», респондент в конечном итоге сделал выбор в пользу нулевой ответственности, аргументировав это следующим образом: «Мало ли кто что думает». Этот комментарий отражает одну из характерных особенностей субъективного мнения, которая может быть обозначена как отсутствие претензии на достоверность. Во-вторых, задача определения степени ответственности говорящего за достоверность содержания высказывания с показателем проблематической достоверности осложняется неоднородностью значений, передаваемых такими маркерами: от наименьшей до наибольшей степени уверенности говорящего [Панфилов 1977: 42]. Так, из трех маркеров проблематической достоверности, включенных в задания анкеты, «скорее всего» выражает большую степень уверенности, чем «я думаю» и «по-моему».

Из трех высказываний с показателями низкой эпистемической ответственности высказывание 4 получило наибольшее количество ответов, соответствующих референсным. Модальная рамка этого высказывания («я думаю») оформляет пропозицию «Окно разбил Антон» как принадлежащую миру идей, а не миру фактов. Личное местоимение *я* и путативный глагол *думаю* эксплицитно отсылают к ментальной сфере говорящего, придавая пропозиции статус субъективной точки зрения, сопряженной с недостаточной уверенностью в достоверности сообщаемого.

Пункт 5 анкеты интересен тем, что варианты ответов «б» (низкая степень ответственности) и «в» (нулевая степень ответственности) получили почти равное количество голосов (17 vs 15). Высказывание 5 не содержит дейктических маркеров, подчеркивающих связь с ментальной сферой говорящего, а также включает отсылку к фактам действительности («Он последним выходил из аудитории») как к основанию для сделанного инференциального вывода. Таким образом, высказывание 5 представляется более объективированным в сравнении с высказыванием 4, а факт действительности, мотивирующий адекватность предположения «Окно разбил Антон», может рассматриваться как «внешний гарант» [Пайар 1998: 33], с которым говорящий делит ответственность за достоверность сообщаемого. Этим, на наш взгляд, может объясняться разделение мнений респондентов почти поровну между вариантами «б» и «в».

Коммуникативная ситуация, допускающая уместность высказывания 6, предполагает наличие конкурирующих точек зрения. Во-первых, высказывание начинается с союза *а*, который выражает противопоставленность мнения говорящего другим ранее высказанным мнениям, во-вторых, лексемы *все-таки* и *именно* указывают на отстаивание говорящим обоснованности своей позиции, что может быть необходимо только в том случае, когда она подвергается сомнению со стороны других участников коммуникации. Наличие в высказывании маркеров отстаивания говорящим своей точки зрения может служить основанием для приписывания ему высокой эпистемической ответственности (второй по популярности ответ по результатам проведенного исследования). Однако модальная рамка, содержащая дейктический элемент «по-моему», выражает значение проблематической достоверности и переводит высказывание в статус субъективного мнения, предполагающего низкую степень эпистемической ответственности говорящего. Референсный

вариант ответа «б» (низкая степень ответственности) с большим отрывом обгоняет альтернативные варианты в результатах, полученных по пункту 6 анкеты.

В задании 7 анкеты респондентам предстояло оценить степень ответственности говорящего за компонент содержания «Антон разбил окно», заключенный в пресуппозитивной части высказывания. Согласно концепции, принятой за основу в настоящем исследовании, пресуппозиция как имплицитное утверждение [Баранов 2009: 51] предполагает высокую эпистемическую ответственность. Как показало исследование, большинство респондентов разделяет эту точку зрения. Однако тот факт, что достаточно большое число респондентов (12 из 35) выбрали ответ «б» (низкая степень ответственности), может свидетельствовать о значимой роли эксплицитных маркеров в процессе атрибуции эпистемической ответственности. Так, высказывания 2 и 3 анкеты, содержащие маркеры высокой эпистемической ответственности говорящего, получили больше ответов, соответствующих референсным, чем немаркированное утверждение в пункте 1 анкеты и пресуппозиция в задании 7.

В высказываниях 8 и 9 говорящий передает информацию «из вторых рук», оформляет с помощью маркеров репортативной эвиденциальности эпистемическую дистанцию по отношению к пропозиции, т. е. представляет содержание как «чужое» и тем самым снимает с себя ответственность за достоверность сообщаемого [Джустини-Фичи 1994: 11; Плунгян 2011: 352]. В высказывании 9 эта дистанция усиливается за счет отрицания говорящим зрительного восприятия ситуации, которое конвенционально обуславливает высшую степень достоверности [Никитина 2013: 72; van Dijk 1988: 86]. Источником информации, подлежащей оценке с позиции эпистемической ответственности, является не говорящий, а цитируемое лицо, которое и несет ответственность за ее достоверность. Это положение научной теории нашло подтверждение в ходе эксперимента: подавляющее большинство респондентов выбрали референсные варианты ответов в заданиях 8 и 9 анкеты.

Анализ комментариев, полученных от респондентов, показал, что, наряду с семантикой включенных в высказывание лексических единиц, в процессе атрибуции эпистемической ответственности значимую роль играют коммуникативные конвенции и этика коммуникации. Так, один из участников эксперимента во всех заданиях анкеты приписал говорящему высокую степень ответственности, а в заданиях 8 и 9 в качестве субъекта ответственности указал говорящего, а не цитируемое лицо. Свой выбор респондент аргументировал тем, что говорящий «является последним, кто передает информацию в конечном ее виде, и именно с его слов будет сделан вывод о ситуации», а также отметил необходимость проверять достоверность полученной от других лиц информации, прежде чем передавать ее. Двое респондентов оставили комментарий о сомнениях, возникших у них при определении субъекта ответственности в высказываниях с маркерами репортативной эвиденциальности. Основанием для сомнений послужила невозможность проверить степень искренности говорящего: если Нина (пункт 8 анкеты) и Таня (пункт 9 анкеты) на самом деле не являются источником информации, было бы неправильно возлагать на них эпистемическую ответственность только на основании того, что говорящий ссылается на них. Кроме того, один из респондентов высказал мнение о том, что в высказываниях 8 и 9 «все участники» (Андрей и Нина — в высказывании 8, Андрей и Таня — в высказывании 9) несут ответственность за достоверность

информации, поскольку все они ее распространяют. Привлек внимание респондентов также обвинительный характер высказываний, предложенных для анализа: «...я думаю, что человек, обвиняя кого-либо, всегда несет ответственность».

Ограничениями проведенного исследования являются сравнительно небольшое число участников (35) и небольшое количество высказываний, включенных в анкету (9). Однако отмеченные ограничения, как представляется, не умаляют значимости полученных результатов.

Выводы и заключение

В результате проведенного исследования были получены ответы на исследовательские вопросы, сформулированные во введении.

1. Носители русского языка воспринимают эвиденциально-эпистемические показатели как маркеры эпистемической ответственности. Наиболее наглядным подтверждением правильности этого вывода являются результаты сравнения ответов респондентов на задания анкеты, содержащие маркированные и немаркированные высказывания, предполагающие одинаковую степень ответственности говорящего. Так, по пунктам 1 и 7 анкеты, включающим немаркированные высказывания, сопряженные с высокой эпистемической ответственностью, было получено меньше ответов, соответствующих референсным, чем для высказываний 2 и 3 с маркерами высокой ответственности: 22 и 20 vs 29 и 34 соответственно.

2. Механизмы атрибуции эпистемической ответственности не основываются исключительно на анализе использованных говорящим лексических единиц, в частности эвиденциально-эпистемических маркеров. Исследование показало, что процесс атрибуции эпистемической ответственности находится под влиянием конвенционально-этических факторов. Вывод реципиента о степени эпистемической ответственности говорящего основывается не только на анализе лексико-семантического наполнения высказывания, но и на учете таких аспектов и конвенций, как, например, искренность/неискренность говорящего, необходимость проверять достоверность информации перед ее передачей, ответственное отношение к каждому акту употребления языка. Тем не менее ведущим фактором, задающим вектор атрибуции эпистемической ответственности, является интерпретация реципиентом лексико-семантических сигналов, особенно эвиденциально-эпистемических маркеров. В поддержку обоснованности этого вывода могут быть приведены результаты, полученные по первому исследовательскому вопросу. Кроме того, может быть сделан предварительный вывод о том, что на атрибуцию эпистемической ответственности влияет эксплицитное присутствие «я» говорящего в лексико-семантической структуре высказывания. Так, для высказываний 2, 3, 4 и 6, содержащих личное местоимение *я* и вводное слово *по-моему*, получены более однозначные результаты, чем по пункту 5 анкеты, в котором подобный дейктический элемент отсутствует.

3. Модель эпистемической ответственности, разработанная в исследовании [Чепурная 2015], представляется валидной. Атрибуция эпистемической ответственности как субъективное состояние реципиента высказывания, безусловно, находится в непосредственной зависимости от его индивидуально-личностных характеристик, фоновых знаний, коммуникативной культуры, что объясняет воз-

возможность отклонения от референсных вариантов ответов. Однако тот факт, что большинство ответов, полученных в ходе эксперимента по всем заданиям анкеты, соответствуют референсным значениям, свидетельствует о валидности проверяемой теоретической модели.

Проведенное исследование показало, что атрибуция читателем/слушателем эпистемической ответственности пишущему/говорящему предполагает, наряду с когнитивной обработкой фактов языка, учет коммуникативных конвенций. Полученные результаты позволяют уточнить понятие эпистемической ответственности, проведя различие между эпистемической ответственностью как метакогнитивным конструктом, отражающим знание субъекта о степени познанности явления в категориях уверенности/неуверенности, «своего»/«чужого», и коммуникативной реализацией эпистемической ответственности, определяемой коммуникативными конвенциями и интенциями говорящего.

Изучение эпистемической ответственности в измерении реципиента представляется перспективным направлением научного анализа, обогащающим находящуюся в процессе своего становления теорию лингвистического обязательства, в которой на данном этапе преобладают исследования с фокусом на продуцента.

Литература

- Баранов 1994 — Баранов А. Н. Заметки о *дескать* и *мол.* *Вопросы языкознания*. 1994, (4): 114–124.
- Баранов 2009 — Баранов А. Н. *Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика*. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009.
- Бринев 2009 — Бринев К. И. Семантика языка в зеркале его юридического функционирования (к проблеме разграничения категорий «сведение и мнение», «оценка», «факт»). *Вестник Томского государственного университета*. 2009, (323): 16–18.
- Джусту-Фичи 1994 — Джусту-Фичи Ф. Чужая речь (пересказывание) в балканославянских языках. В кн.: *Логический анализ языка. Язык речевых действий*. Арутюнова Н. Д., Рябцева Н. К. (ред.). М.: Наука, 1994. С. 11–17.
- Ильчук 1990 — Ильчук Е. В. *Некоторые типы эпистемической модальности в английском языке*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
- Никитина 2013 — Никитина Е. Н. Субъектные нули и перцептивный модус (к вопросу о выражении категории эвиденциальности в русском языке). *Вопросы языкознания*. 2013, (2): 69–82.
- Пайар 1998 — Пайар Д. Классы дискурсивных слов. В кн.: *Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания*. Киселева К., Пайар Д. (ред.). М.: Метатекст, 1998. С. 31–34.
- Панфилов 1977 — Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения. *Вопросы языкознания*. 1977, (4): 37–48.
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2011.
- Современный русский язык — *Современный русский язык*. Белошапкова В. А. (ред.). 2-е изд. М.: Высшая школа, 1989.
- Чепурная 2015 — Чепурная А. И. *Языковое маркирование эпистемической ответственности автора публицистического текста*. Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2015.
- Austin 1962 — Austin J. L. *How to Do Things with Words*. Oxford: At the Clarendon Press, 1962.
- Bonjour 1980 — Bonjour L. Externalist theories of empirical knowledge. *Midwest Studies in Philosophy*. 1980, 5 (1): 53–73.
- Carretero, Zamorano-Mansilla 2014 — Carretero M., Zamorano-Mansilla J. R. Annotating English adverbials for the categories of epistemic modality and evidentiality. In: *English Modality: Core, Periphery and Evidentiality*. Marín-Arrese J. I., Carretero M., Arús Hita J., van der Auwera J. (eds). Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2014. P. 317–356.

- Čepurnaja 2014 — Čepurnaja A. Epistemische Verantwortung in der Mediensprache: Meinung vs Behauptung. *Zeitschrift für Slawistik*. 2014, 59 (1): 83–102.
- Chepurnaya 2019 — Chepurnaya A. Marking epistemic responsibility in English media discourse. *Australian Journal of Linguistics*. 2019, 39 (4): 511–524.
- Coltier et al. 2009 — Coltier D., Dendale P., De Brabanter P. La notion de prise en charge: Mise en perspective. *Langue française*. 2009, 162 (2): 3–27.
- Cornillie 2018 — Cornillie B. On speaker commitment and speaker involvement. Evidence from evidentials in Spanish talk-in-interaction. *Journal of Pragmatics*. 2018, (128): 161–170.
- Cornillie, Delbecque 2008 — Cornillie B., Delbecque N. Speaker commitment: Back to the speaker. Evidence from Spanish alternations. *Belgian Journal of Linguistics*. 2008, (22): 37–62.
- De Brabanter 2018 — De Brabanter P. Pragmatic and semantic commitment when using quotative markers, with application to French *dire* and *genre*. *Journal of Pragmatics*. 2018, (128): 137–147.
- De Brabanter, Dendale 2008 — De Brabanter P., Dendale P. Commitment: The term and the notions. *Belgian Journal of Linguistics*. 2008, (22): 1–14.
- Deschamps 2008 — Deschamps K. Legal norms as objects of (non-)commitment. *Belgian Journal of Linguistics*. 2008, (22): 83–100.
- Gunlogson 2008 — Gunlogson C. A question of commitment. *Belgian Journal of Linguistics*. 2008, (22): 101–136.
- Hamblin 1970 — Hamblin C. L. *Fallacies*. London: Methuen, 1970.
- Hamblin 1971 — Hamblin C. L. Mathematical models of dialogue. *Theoria*. 1971, (37): 130–155.
- Katriel, Dascal 1989 — Katriel T., Dascal M. Speaker's commitment and involvement in discourse. In: *From Sign to Text: A Semiotic View of Communication*. Tobin Y. (ed.). Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1989. P. 275–295.
- Kissine 2008 — Kissine M. Assertoric commitments. *Belgian Journal of Linguistics*. 2008, (22): 155–177.
- Kornblith 1983 — Kornblith H. Justified belief and epistemically responsible action. *Philosophical Review*. 1983, 92 (1): 33–48.
- Lansari 2008 — Lansari L. Commitment: A parameter for the contrastive analysis of *be going to* and *aller + inf*. *Belgian Journal of Linguistics*. 2008, (22): 179–196.
- Lyons 1977 — Lyons J. *Semantics*. In 2 vols. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Lyons 1995 — Lyons J. *Linguistic Semantics: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Morency et al. 2008 — Morency P., Oswald S., de Saussure L. Explicitness, implicitness and commitment attribution: A cognitive pragmatic approach. *Belgian Journal of Linguistics*. 2008, (22): 197–219.
- Nølke et al. 2004 — Nølke H., Fløttum K., Norén C. *ScaPoLine. La théorie scandinave de la polyphonie linguistique*. Paris: Kimé, 2004.
- Palmer 2001 — Palmer F. R. *Mood and Modality*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Ricci, Rossari 2018 — Ricci C., Rossari C. Commitment phenomena through the study of evidential markers in Romance languages. *Journal of Pragmatics*. 2018, (128): 98–101.
- Searle 1976 — Searle J. R. A classification of illocutionary acts. *Language in Society*. 1976, 5 (1): 1–23.
- van Dijk 1988 — van Dijk T. A. *News as Discourse*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1988.

Статья поступила в редакцию 18 ноября 2022 г.

Статья рекомендована к печати 3 ноября 2023 г.

Alena I. Chepurnaya

Stavropol State Agrarian University,
12, per. Zootekhnicheskoy, Stavropol, 355017, Russia
alena-chep@mail.ru

Cognitive-pragmatic aspects of epistemic responsibility attribution

For citation: Chepurnaya A. I. Cognitive-pragmatic aspects of epistemic responsibility attribution. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024, 21 (1): 252–268.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.113> (In Russian)

The article deals with epistemic responsibility from the perspective of a reader/listener. Viewed as a type of speaker commitment, epistemic responsibility is defined as responsibility for the reliability of what is reported. It is assumed to be verbalized through epistemic modals and evidentials. The relevance of the study is due to a high frequency of the term “commitment”, mainly in studies on the speech act theory, modality and evidentiality, combined with the insufficient theoretical development of the notion. The novelty of the study lies in the identification and description of cognitive and pragmatic features of epistemic responsibility attribution based on an experiment. Objectives of the research included assessing the perception of evidential-epistemic markers as epistemic responsibility indicators by native speakers of Russian, identifying communicative interaction aspects that influence epistemic responsibility attribution, as well as experimental verification of the epistemic responsibility model developed in our earlier studies. The analysis was carried out using a questionnaire designed specifically for this experiment. Respondents were students of non-linguistic areas of training (35 subjects). The study showed that Russian speakers perceive evidential-epistemic markers as epistemic responsibility indicators, and epistemic responsibility attribution is influenced by communication ethics and conventions. The findings proved the validity of the epistemic responsibility model under test. The research also yielded an improved interpretation of the epistemic responsibility concept, which can be considered, on the one hand, as the speaker’s mental state and, on the other hand, as a linguistic image of this state, determined by communication rules and the speaker’s intentions.

Keywords: commitment attribution, epistemic responsibility attribution, speaker commitment, evidentiality, epistemic modality.

References

- Баранов 1994 — Baranov A. N. Remarks on the Russian words *deskat'* and *mol*. *Voprosy iazykoznanii*. 1994, (4): 114–124. (In Russian)
- Баранов 2009 — Baranov A. N. *Linguistic Examination of a Text: Theory and Practice*. 2nd ed. Moscow: Flinta Publ.: Nauka Publ., 2009. (In Russian)
- Бринев 2009 — Brinev K. I. The language semantics and judicial linguistics (to the problem of demarcation of the categories of facts and opinions). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009, (323): 16–18. (In Russian)
- Джустуи-Фичи 1994 — Dzhusti-Fichi F. Reported speech: Evidential modality in Balkan-Slavic languages. In: *Logicheskii analiz iazyka. Iazyk rechevykh deistvii*. Arutiunova N. D., Riabtseva N. K. (eds). Moscow: Nauka Publ., 1994. P. 11–17. (In Russian)
- Ильчук 1990 — Il'chuk E. V. *Some types of epistemic modality in English*. Abstract of the Thesis for PhD in Philological Sciences. Moscow, 1990. (In Russian)
- Никитина 2013 — Nikitina E. N. Zero subjects and perceptive modus (on the question of expressing the category of evidentiality in Russian). *Voprosy iazykoznanii*. 2013, (2): 69–82. (In Russian)
- Пайар 1998 — Paiar D. Classes of discourse words. In: *Diskursivnye slova russkogo iazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniia*. Kiseleva K., Paiar D. (eds). Moscow: Metatekst Publ., 1998. P. 31–34. (In Russian)
- Панфилов 1977 — Panfilov V. Z. The category of modality and its role in sentence and proposition structuring. *Voprosy iazykoznanii*. 1977, (4): 37–48. (In Russian)
- Плунгян 2011 — Plungian V. A. *Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of the Languages of the World*. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ., 2011. (In Russian)
- Современный русский язык — *Modern Russian Language*. Beloshapkova V. A. (ed.). 2nd ed. Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 1989. (In Russian)
- Чепурная 2015 — Chepurnaia A. I. *Language marking of epistemic responsibility of a journalistic text author*. Thesis for PhD in Philological Sciences. Stavropol, 2015. (In Russian)
- Austin 1962 — Austin J. L. *How to Do Things with Words*. Oxford: At the Clarendon Press, 1962.

- Bonjour 1980 — Bonjour L. Externalist theories of empirical knowledge. *Midwest Studies in Philosophy*. 1980, 5 (1): 53–73.
- Carretero, Zamorano-Mansilla 2014 — Carretero M., Zamorano-Mansilla J.R. Annotating English adverbials for the categories of epistemic modality and evidentiality. In: *English Modality: Core, Periphery and Evidentiality*. Marín-Arrese J. I., Carretero M., Arús Hita J., van der Auwera J. (eds). Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2014. P. 317–356.
- Čepurnaja 2014 — Čepurnaja A. Epistemische Verantwortung in der Mediensprache: Meinung vs Behauptung. *Zeitschrift für Slavistik*. 2014, 59 (1): 83–102.
- Chepurnaya 2019 — Chepurnaya A. Marking epistemic responsibility in English media discourse. *Australian Journal of Linguistics*. 2019, 39 (4): 511–524.
- Coltier et al. 2009 — Coltier D., Dendale P., De Brabanter P. La notion de prise en charge: Mise en perspective. *Langue française*. 2009, 162 (2): 3–27.
- Cornillie 2018 — Cornillie B. On speaker commitment and speaker involvement. Evidence from evidentials in Spanish talk-in-interaction. *Journal of Pragmatics*. 2018, (128): 161–170.
- Cornillie, Delbecque 2008 — Cornillie B., Delbecque N. Speaker commitment: Back to the speaker. Evidence from Spanish alternations. *Belgian Journal of Linguistics*. 2008, (22): 37–62.
- De Brabanter 2018 — De Brabanter P. Pragmatic and semantic commitment when using quotative markers, with application to French *dire* and *genre*. *Journal of Pragmatics*. 2018, (128): 137–147.
- De Brabanter, Dendale 2008 — De Brabanter P., Dendale P. Commitment: The term and the notions. *Belgian Journal of Linguistics*. 2008, (22): 1–14.
- Deschamps 2008 — Deschamps K. Legal norms as objects of (non-)commitment. *Belgian Journal of Linguistics*. 2008, (22): 83–100.
- Gunlogson 2008 — Gunlogson C. A question of commitment. *Belgian Journal of Linguistics*. 2008, (22): 101–136.
- Hamblin 1970 — Hamblin C. L. *Fallacies*. London: Methuen, 1970.
- Hamblin 1971 — Hamblin C. L. Mathematical models of dialogue. *Theoria*. 1971, (37): 130–155.
- Katriel, Dascal 1989 — Katriel T., Dascal M. Speaker's commitment and involvement in discourse. In: *From Sign to Text: A Semiotic View of Communication*. Tobin Y. (ed.). Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1989. P. 275–295.
- Kissine 2008 — Kissine M. Assertoric commitments. *Belgian Journal of Linguistics*. 2008, (22): 155–177.
- Kornblith 1983 — Kornblith H. Justified belief and epistemically responsible action. *Philosophical Review*. 1983, 92 (1): 33–48.
- Lansari 2008 — Lansari L. Commitment: A parameter for the contrastive analysis of *be going to* and *aller + inf*. *Belgian Journal of Linguistics*. 2008, (22): 179–196.
- Lyons 1977 — Lyons J. *Semantics*. In 2 vols. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Lyons 1995 — Lyons J. *Linguistic Semantics: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Morency et al. 2008 — Morency P., Oswald S., de Saussure L. Explicitness, implicitness and commitment attribution: A cognitive pragmatic approach. *Belgian Journal of Linguistics*. 2008, (22): 197–219.
- Nølle et al. 2004 — Nølle H., Fløttum K., Norén C. *ScaPoLine. La théorie scandinave de la polyphonie linguistique*. Paris: Kimé, 2004.
- Palmer 2001 — Palmer F. R. *Mood and Modality*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Ricci, Rossari 2018 — Ricci C., Rossari C. Commitment phenomena through the study of evidential markers in Romance languages. *Journal of Pragmatics*. 2018, (128): 98–101.
- Searle 1976 — Searle J. R. A classification of illocutionary acts. *Language in Society*. 1976, 5 (1): 1–23.
- van Dijk 1988 — van Dijk T. A. *News as Discourse*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1988.

Received: November 18, 2022

Accepted: November 3, 2023

Анкета для проведения исследования «Когнитивно-прагматические аспекты атрибуции эпистемической ответственности»

Возраст		Пол	М Ж
Оцените степень ответственности говорящего за достоверность сообщаемой информации в высказываниях 1–7:			
1. Андрей: «Антон разбил окно».			
a)	Андрей несет высокую степень ответственности за достоверность информации «Антон разбил окно»;		
b)	Андрей несет низкую степень ответственности за достоверность информации «Антон разбил окно»;		
v)	Андрей не несет ответственности за достоверность информации «Антон разбил окно».		
2. Андрей: «Я уверен, что окно разбил Антон».			
a)	Андрей несет высокую степень ответственности за достоверность информации «Антон разбил окно»;		
b)	Андрей несет низкую степень ответственности за достоверность информации «Антон разбил окно»;		
v)	Андрей не несет ответственности за достоверность информации «Антон разбил окно».		
3. Андрей: «Я точно знаю, что окно разбил Антон».			
a)	Андрей несет высокую степень ответственности за достоверность информации «Антон разбил окно»;		
b)	Андрей несет низкую степень ответственности за достоверность информации «Антон разбил окно»;		
v)	Андрей не несет ответственности за достоверность информации «Антон разбил окно».		
4. Андрей: «Я думаю, окно разбил Антон».			
a)	Андрей несет высокую степень ответственности за достоверность информации «Антон разбил окно»;		
b)	Андрей несет низкую степень ответственности за достоверность информации «Антон разбил окно»;		
v)	Андрей не несет ответственности за достоверность информации «Антон разбил окно».		
5. Андрей: «Скорее всего, окно разбил Антон. Он последним выходил из аудитории».			
a)	Андрей несет высокую степень ответственности за достоверность информации «Антон разбил окно»;		
b)	Андрей несет низкую степень ответственности за достоверность информации «Антон разбил окно»;		
v)	Андрей не несет ответственности за достоверность информации «Антон разбил окно».		
6. Андрей: «А по-моему, все-таки именно Антон разбил окно».			
a)	Андрей несет высокую степень ответственности за достоверность информации «Антон разбил окно»;		
b)	Андрей несет низкую степень ответственности за достоверность информации «Антон разбил окно»;		
v)	Андрей не несет ответственности за достоверность информации «Антон разбил окно».		

7. Андрей: «Я уже рассказывал тебе о том, как Антон разбил окно».	
a)	Андрей несет высокую степень ответственности за достоверность информации «Антон разбил окно»;
б)	Андрей несет низкую степень ответственности за достоверность информации «Антон разбил окно»;
в)	Андрей не несет ответственности за достоверность информации «Антон разбил окно».
Определите субъекта, ответственного за достоверность сообщаемой информации в высказываниях 8–9:	
8. Андрей: «Нина сказала, что окно разбил Антон».	
a)	ответственность за достоверность информации «Антон разбил окно» несет Андрей;
б)	ответственность за достоверность информации «Антон разбил окно» несет Нина.
9. Андрей: «Я не видел, кто разбил окно. Но Таня говорит, что это Антон».	
a)	ответственность за достоверность информации «Антон разбил окно» несет Андрей;
б)	ответственность за достоверность информации «Антон разбил окно» несет Таня.
Комментарий	